

Глава 23. Безумец с голубыми глазами

Се Юньчжу отвернулся. Не то чтобы он боялся вида крови, просто Пушистик был напуган до смерти.

Конечно, Пушистик не испытывал страха перед жестокостью — ему были чужды подобные человеческие эмоции. Его ужасала и сбивала с толку сама природа человеческой любви, настолько, что он, бог любви, едва не лишился рассудка.

— Но почему? — прошептал он, уткнувшись в грудь Се Юньчжу. — Они же были парой! Они должны были любить друг друга!

— Сяо Ту — опытный игрок, причём высокого уровня. Она прошла не меньше подземелий, чем Сун Цзымин, — Се Юньчжу давно всё понял.

— Тогда зачем она притворялась новичком?

— У каждого чистильщика своя стратегия выживания. Её физические данные невелики, поэтому она выживает, притворяясь слабой и цепляясь за других. — Се Юньчжу давно привык к проявлениям человеческой низости в подземельях. — Перед входом в игру она выбирает себе «объект» — как правило, сильного, но недалёкого молодого парня вроде Хэй Бэй, а затем беззастенчиво использует его.

И Сяо Ту была превосходной актрисой. Ей самой было не меньше тридцати, но она мастерски играла роль юной и милой девушки. Се Юньчжу лишь на третий или четвёртый день заметил в её поведении некоторые несостыковки, которые выдали её. А такие простаки, как Хэй Бэй, были обречены на то, чтобы их использовали до самой смерти.

Жаль его тяжелобольную мать. Она лишилась сына, который так хотел её спасти.

— Как сложны человеческие чувства... — вздохнул Пушистик. — Мне ещё многому предстоит научиться.

Се Юньчжу хотел было съязвить, чему тот может научиться из подобной истории, как вдруг за спиной раздался глухой удар — звук тесака, перерубающего кости.

Воздух наполнился тошнотворным запахом крови. Когда он снова обернулся, на копье уже красовались две головы с застывшим в глазах ужасом. Сяо Ту, вся в крови, сжимала в руке тесак и сплюнула на землю.

— Так, теперь не хватает только головы Чжоу Лань со скотобойни... — задумчиво пробормотал Фу Ю.

— Я принесу, — Синь Лэй обвёл всех взглядом. — Пойду один.

Сказав это, он собрал все свои пожитки, включая палатку, и, словно избегая чумы, направился на северо-запад.

Оставшиеся четверо «зачумлённых» — Сяо Ту, А Си, Фу Ю и Се Юньчжу — переглянулись. Фу Ю с усмешкой вздохнул:

— Что ж, последний день. Притворяться дружной командой было бы лицемерием. Думаю, никто не горит желанием действовать сообща. Предлагаю разойтись, каждый сам по себе. Встретимся у алтаря в полночь.

Его слова были излишни. Те, кто дожил до финала, и без того имели собственные планы. Сяо Ту вернулась в свою палатку и села, положив окровавленный тесак рядом.

— Я останусь здесь. И советую не подходить ко мне слишком близко. Мой тесак не разбирает, где свои, где чужие.

— А я хочу ещё раз взглянуть на божественные останки, — А Си, обмахиваясь пачкой бумаг, словно веером, произнесла: — Последний день, а тайна вечного дня так и не раскрыта. Время не ждёт, я пошла.

Она закинула рюкзак за плечи и направилась на северо-восток.

Фу Ю, засунув руки в карманы, посмотрел на Се Юньчжу. Тот, на удивление, тоже собирал вещи, словно готовился к вылазке в руины. Никто его не заставлял, морковка перед носом не висела — поистине, невиданное зрелище.

— Что уставился?! — Пушистик гневно сверкнул золотыми глазами и захлопал страницами книги.

— Ошибся, ошибся, не горячись... — Фу Ю тут же отвёл взгляд и, насвистывая, скрылся в руинах.

/

Се Юньчжу в одиночестве шёл вглубь развалин в поисках необходимых материалов. Всё было почти как в первый день игры, когда он так же в одиночку исследовал окрестности, но в то же время очень, очень многое изменилось.

Даже он чувствовал, что это подземелье было слишком «чрезмерным». Дело было не в том, что они уже пережили, а в гнетущем предчувствии того, что должно было вот-вот случиться — того

самого солнца.

Готовясь к возможной катастрофе, он собирал различные материалы и весь день под палящим зноем бродил по руинам, чертя в разных местах некие символы. Пушистик сидел у него на плече, раскрыв над его головой сломанный зонт.

С тех пор как он начал собирать такие артефакты, как «Сатанинская библия», обычные еретики почти перестали на него нападать. Однако ближе к вечеру всё же произошёл небольшой инцидент.

— Эй, лузер, стой!

Грубый окрик заставил бы любого остановиться, но Се Юньчжу, не обращая внимания, продолжал свой путь. Мужчина догнал его, тяжело дыша.

— Ха, мир вот-вот рухнет, а ты всё куда-то бежишь!

Это был еретик в лохмотьях. Судя по всему, бездомный бродяга. На нём была потрёпанная джинсовая кепка, лицо скрывала густая, грязная борода, и Се Юньчжу с трудом разглядел в этой поросли глаза...

Пару тёмно-синих глаз, точь-в-точь как у него.

«Днём я встретила еретика, с такими же синими глазами, как у тебя...» — слова А Си пронеслись в его голове. Неужели он случайно наткнулся на того самого... Или это не было случайностью?

Бродяга, разумеется, тоже заметил цвет его глаз. Его прищуренные глаза изумлённо распахнулись.

— Ха! Ты такой же, как я! Откуда ты взялся... Всё безнадежно! Жаль, жаль, ещё один несчастный!

Как и говорила А Си, он был сумасшедшим и говорил бессвязно.

— Сам ты несчастный! — не выдержав, огрызнулся Пушистик.

Бродяга фыркнул.

— Ого, говорящее полотенце?!

— Ты полотенце, нет, ты тряпка! Вся твоя семья — тряпки!

— Хватит, — Се Юньчжу похлопал Пушистика и, подыграв бродяге, спросил: — Почему ты говоришь, что мне не повезло?

Он задавал этот вопрос каждому безумцу с синими глазами, но ни разу не получил ответа.

И в этот раз бродяга, почесав бороду, задал совершенно неуместный вопрос:

— А где твой колокольчик?

— Колокольчик?

— Ха, ты и колокольчик потерял! А-а, да какая разница, всё провалено, даже древние боги не справились, зачем нас вообще сюда прислали... — Бродяга сунул руку под лохмотья. На внутренней стороне его одежды виднелся аккуратно пришитый потайной карман. Он осторожно извлёк оттуда маленький предмет.

Это был позолоченный бронзовый колокольчик в форме грецкого ореха, с искусной резьбой, красным шнурком и кисточкой внизу.

— Смотри, мой колокольчик при мне! Я его берегу!

Не успел Се Юньчжу ничего сказать, как бродяга быстро провёл колокольчиком перед его лицом.

День—

Резкий звон пронзил его голову.

Мир поплыл перед глазами. Он потерял равновесие, перед взором замелькали чёрные пятна. Безумное лицо бродяги исказилось и исчезло, сменившись вихрем хаотичных образов, которые, казалось, вот-вот разорвут его мозг.

Он увидел синие глаза, много синих глаз, не меньше сотни пар. Все они стояли там, и на их лицах застыла глубокая скорбь. Некоторые плакали, другие в отчаянии проклинали судьбу, а в чьих-то взглядах читалась решимость смертников.

День—

Звон не прекращался, он нарастал, становясь невыносимым. Се Юньчжу понял, что он и сам

был частью этой галлюцинации, занимая своё место в этой сцене.

Он стоял напротив этой сотни людей. Рядом с ним не было никого.

Их полные слёз и боли глаза были устремлены на него.

Они говорили: «Ты был прав. Ты — единственный, последний... правильный...»

«А мы — ошибка».

«Ошибка должна исчезнуть!»

«Ошибка должна быть уничтожена немедленно!»

Сердце Се Юньчжу пропустило удар. Он наверняка уже переживал это, потому что инстинктивно почувствовал, что произойдёт дальше. Следующий образ заставил его закричать от невыносимой боли — люди доставали ножи и вонзали их себе в животы; вкладывали в рот стволы пистолетов и нажимали на курки...

В одно мгновение все они совершили массовое самоубийство, падая, как скошенная трава. Кровь заливала их не успевшие закрыться синие глаза. Так много людей умерло прямо перед ним... Сотни колокольчиков зазвенели в унисон. Се Юньчжу зажал уши и свернулся в клубок, дрожа от боли.

«Нет... что это... почему?..»

— А Чжу! А Чжу! — голос Пушистика прорвался сквозь пелену безумия, вонзившись в его пылающий разум ледяной иглой.

— Х-х... х-х... — грудь Се Юньчжу тяжело вздымалась. Он вцепился в Пушистика, как в спасительную соломинку. — Зови... зови меня по имени...

— Се Юньчжу! — изо всех сил закричал Пушистик. — Очнись, прошу тебя!

Что-то пушистое и тёплое коснулось его губ и щеки, обдав горячим дыханием.

Се Юньчжу резко открыл глаза. Никакой толпы самоубийц, никакого звона. Перед ним была пара сияющих, как солнце, золотых глаз. И если ощущения его не обманывали, то его... опять поцеловали?

— Слава богу, сработало! — обрадовался Пушистик, увидев, что он очнулся, и принялся

взволнованно тереться о его щеку.

Но Се Юньчжу не обращал на него внимания. Он растерянно сел, не в силах собраться с мыслями. Пушистик, всё ещё не оправившись от испуга, тараторил ему на ухо:

— Тот злодей позвонил в колокольчик и убежал, бормоча всякую чушь. Я увидел, что ты упал в обморок, и так испугался, что не стал его преследовать. А Чжу, что с тобой? Ты в порядке?

Се Юньчжу медленно выдохнул.

— Я в порядке.

С одной стороны, он действительно был в порядке. Голова больше не болела, и он не получил никаких повреждений.

Но с другой... всё было не так просто.

Видение, вызванное колокольчиком, указывало на то, что люди с синими глазами принадлежали к одной группе или организации, и у каждого был свой, уникальный колокольчик. Похоже, они спорили о правильности чего-то, и те, кто был прав, выживали, а неправые — умирали.

Та сотня людей погибла, а он остался жив. Они назвали его «правильным». Но о чём был их спор? И почему он был настолько важен, что решал вопросы жизни и смерти?

И был ещё один, куда более серьёзный вопрос: была ли эта память навязана ему бродягой, или это действительно случилось с ним?

Се Юньчжу склонялся ко второму варианту. Боль от увиденного была слишком реальной, его сердце до сих пор тупо ныло.

Но если это действительно произошло, то когда? Его воспоминания всегда были последовательными, ни один день не пропадал из памяти. Означает ли это, что если эта «несуществующая» память реальна, то все его нынешние воспоминания — ложь? Или же он когда-то потерял часть памяти, или кто-то её изменил?

Его дорогие и уважаемые отец с матерью, его беззаботное и счастливое детство, его бурная юность, книги, которые он прочёл, и дороги, которые он прошёл... Неужели всё это — лишь роса на траве, которая исчезнет с восходом солнца?

Ледяной страх коснулся сердца Се Юньчжу. Он подумал, что должен немедленно догнать того бродягу, отобрать колокольчик и выбить из него правду. Но он тут же подавил этот порыв.

У него и так не было будущего. Он не хотел лишиться ещё и прошлого.

Он дал себе пятнадцать минут. Усевшись прямо на землю, он достал из кармана сигарету, закурил и зажал её в зубах. Это был единственный сорт сигарет, продававшийся в системном магазине. Они содержали огромное количество ментола и от одного вдоха замораживали мозг, что помогало прояснить мысли.

Он молча сделал пару затяжек, насильно обрывая тяжёлые думы. Его способ справляться со слабостью — замкнуться в себе и ни о чём не думать.

Пушистик, кажется, что-то понял. Он растерянно кружил вокруг, неуклюже пытаясь его утешить, но безрезультатно.

— А Чжу, смотри, смотри! — через некоторое время Пушистик потянул его за рукав своим щупальцем. — Пушистая морская звезда!

Се Юньчжу опустил взгляд и увидел, как круглый Пушистик вытянул своё тело в пять лучей, действительно став похожим на пушистую белую морскую звезду. Его огромные мультяшные глаза при этом сияли и переливались.

Заметив его взгляд, Пушистик принялся стараться ещё больше. Он выгнулся и перекатился по земле, шлёпнувшись лицом вниз.

— Та-дам! Пушистая морская звезда переворачивается!

— Ха... — Се Юньчжу и сам не ожидал, что эта неуклюжая выходка заставит его усмехнуться. Сначала это была лишь лёгкая улыбка, но потом она переросла в настоящий хохот, такой сильный, что на глазах выступили слёзы.

— Хе-хе-хе... — увидев, что он смеётся, Пушистик тоже обрадовался. Он сел на землю, и его перепачканное сажей лицо озарила улыбка, ярче самого солнца.

Люди смеются не только от радости, но Пушистик, с его детским разумом, этого не понимал. Он просто радовался, видя смех Се Юньчжу, даже если эта весёлость не коснулась его глаз, и тёмно-синие зрачки по-прежнему оставались холодными и одинокими.

— Пошли, — докурив сигарету до половины, Се Юньчжу затушил её о землю, поднял Пушистика и встал. Маленькое тёплое существо прижалось к его руке. Это было слабое утешение, но лучше, чем ничего.

/

Пятеро выживших были лучшими из лучших среди чистильщиков. Несмотря на то, что они действовали порознь, к вечеру все вернулись целыми и невредимыми.

Рюкзак Се Юньчжу был туго набит. Вещей было так много, что даже Пушистику досталась маленькая, но тоже полная сумка.

Фу Ю и А Си, словно сговорившись с ним, вернулись с такими же набитыми рюкзаками.

Синь Лэй, как и обещал, сходил на свалку у скотобойни и принёс голову Чжоу Лань. Мясо с её щёк было вырезано людьми-свиньями как деликатес, и теперь на костях висели лишь слегка подгнившие ошмётки плоти, что делало её вид особенно жутким и кровавым.

Он встал на ящик и насадил голову на последнее копьё. Остальные четверо молча смотрели вверх.

Семь копий, семь голов их товарищей. Искажённые ужасом, болью, яростью или настолько изуродованные, что выражение лиц уже нельзя было разобрать. Ветер пронёсся сквозь них с тихим свистом, похожим на шёпот из преисподней.

Наступила полночь. Великая Шаманка осмотрела все головы и удовлетворённо кивнула.

Наконец, ритуал должен был начаться.

<http://bllate.org/book/15884/1586047>